

Перестройка политической системы взбудоражила умы и накалила страсти. Все или почти все сверху спущенные предложения и проекты по демократизации нашего общества вызывают волнения, споры, дискуссии. Понять можно: новый политический кафтан клеится из старых лоскутов. *Inde irae*, говорили латиняне, отсюда гнев. “Так неужели нет хотя бы ниток, чтоб сшить этот кафтан?” – спросит кто-то. Вот именно: нет.

Любой реформе, рассчитывающей не успех, следует опираться на науку, политической реформе - на политологию, то есть науку о политике. Она-то и является той нитью, прочно сшивающей различные “лоскуты” общественного бытия в стройную политическую систему. И хотя у нас давно появились политологи, политология находится на “нелегальном” положении, так и не обретя статуса официальной науки, продолжая нести на себе крест буржуазности. Отсюда и результаты.

Ну, бог с ней, с политологией. А как с другими общественными науками? Например, с политэкономией, философией, социологией, историей страны? Казалось бы, ответ очевиден. В десятках, если не в сотнях статей, письмах ученых, журналистов, политических лидеров рассказано и показано, сколь вопиющее неблагополучие царит в гуманитарных науках. Да и являются ли они науками? Полагаю, что пока - нет, хотя руководство Академии наук СССР утверждает обратное. Как оказывается, по размаху научно-исследовательских работ, по финансированию фундаментальных и поисковых исследований “мы не имеем аналогов в мире” (см.: “Правда”, 18 декабря 1987 г.). Как говорил один философ: верую, ибо абсурдно.

Давайте же проверим.

Что такое в науках свет?

Мнения по сему предмету разделяются на правильные и неправильные, а в числе последних есть даже много таких, кои по всей справедливости могут считаться дерзкими.

М.Е. Салтыков-Щедрин

*Дневник провинциала в Петербурге.
“О перестроении де сиянс академии”
Отставной подполковник
Дементий Сдаточный*

Сначала выскажем “правильное мнение”. Науки, конечно, существовали. Более того, у нас нет ни одной отрасли знания, по которой не было бы ученых академиков с “самостоятельной” мыслью. Они стоят не только “на уровне” первоклассных ученых Запада, но, по их мнению, иногда даже превосходят последних своими знаниями. Такая уверенность позволяет им безбоязненно представлять себя на различных международных конференциях и симпозиумах и печатать свои доклады на иностранных языках. Последнее, правда, немножко смущает. Ведь известно, если у нас совершено какое-то научное открытие, то его не то что на иностранном, но и на русском-то языке не разрешат обнародовать. Мы их прячем во всякие закрытые издания, так сказать, подальше от глаз мировой общественности. Видимо, поэтому Комитет по Нобелевским премиям присуждает эти премии не нам, а “им”, все больше американцам и европейцам. Вот и в 1988 г. среди лауреатов не оказалось ни одного советского ученого. Неужели опять происки? А может быть, с успехами дела все-таки обстоят не так уж блестяще?¹

Теперь попробуем высказать “неправильное мнение”. Начнем с философии, то есть с того самого корня, из которого все другие науки должны получать свои соки.

Хотя философия явилась в Россию очень давно и преимущественно из Германии, прививалась она у нас почему-то плохо. Разве что на рубеже XIX–XX вв. вплоть до начала 20-х годов наблюдалось оживление философской мысли, по глубине ничуть не уступавшей общеевропейскому уровню. Однако в 1921-1922 гг. почти весь цвет русской философии (С.Л. Франк, И.А. Ильин, Лев Шестов, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев и др.) был выслан за пределы страны. Оставшиеся же крупные философы или исчезли в смутные годы конца 30-х годов (П.А. Флоренский), или вынуждены были принять “обет молчания” как не вписавшиеся в сталинскую “науку” (А.А. Деборин, А.Ф. Лосев). В результате мы остались без философии, хотя и с философами типа М.Б.Митина, усилиями которых восторжествовала сталинская “философия” без всяких гегелей и прочих идеалистов. Преимущество такой философии, которым мы обладаем до сих пор, заключается в следующем: если на Западе появились и бесследно исчезли десятки философских систем и течений, у нас господствовала и непоколебимо торжествовала одна философия, которую почему-то называют марксистско-ленинской. Какие открытия сделаны на этом поприще знаний, судить трудно, поскольку не с чем сравнивать. Современные труды западных философов у нас не публикуются, видимо, в силу их отсталости и неискоренимой идеалистичности. Это, правда, не мешает нам жить. Философия живет сама по себе, мы – сами по себе. Так и живем.

В этой связи непонятно только одно: как при нашей активной борьбе против идеализма он вторгся в исторические науки? Я имею в виду идеи А. Шопенгауэра, точнее, его концепцию “воли”. Не знаю, были ли знакомы Сталин и его историки с воззрениями этого философа, но они с полным правом могли начертать на своем научном знамени методологические принципы Шопенгауэра: “Основной чертой моего учения, противопологающей его всем прежним, является полное отделение воли от познания” (цит. по: Б.Э. Быховский. Шопенгауэр. М., 1975, с. 69). В другом месте Шопенгауэр уточняет: воля первична, независима от познания; познание вторично, зависимо от воли. Познание выросло из воли, служит воле, и в то же время воля “всюду является противоположностью и даже антагонистом познания” (там же). Многие наши историки блестяще подтвердили мысли немецкого философа своим служением одной-единственной воле, которой и определялась советская и даже мировая история по крайней мере на протяжении 30 лет. Причем, держась этой самой воли, они, как ни странно, “скатились” к Гегелю, доказывая, что все, что было у нас, было объективно, а значит, разумно вследствие неизбежной необходимости быть. Иначе и быть не могло. Следовательно, как считает профессор Ф. Ваганов: “... переписывать эту историю не надо” (“Советская культура”, 9 июля 1987 г.). Имея такую волевую инструкцию профессора, возглавляющего, кстати, архивное ведомство, историкам придется еще немало потрудиться над тем, чтобы придать наконец истории историзм, а историзму - диалектику.

Крайне любопытно, что при всей нашей нелюбви к Гегелю он внедрился даже в экономику. Известный его постулат: все действительное разумно, все разумное действительно, - на мой взгляд, послужил теоретической основой для всех учебников политэкономии социализма. На него, правда, не ссылались, но это не меняло дела. Уничтожение крестьянства, насильственная коллективизация, волюнтаризм в экономике – все это было в действительности, а значит, говорили экономисты, все это было разумно. Экономику подмяла такая философия, а философию в свою очередь поглотила политика “воли”. В результате политической экономии как науки, по мнению Д. Валового, “фактически не существовало” (см.: “Огонек”. № 46, ноябрь 1988 г., с. 7). Сейчас экономистам приходится доказывать, что на самом деле все действительное было неразумным, а неразумное, к сожалению, действительным. Эта идея работает и при обращении в прошлое. Будущее же должно нас вернуть к Гегелю, с тем чтобы все действительное было разумным, а разумное – действительным. И хотя, по мнению академика Л.И. Абалкина, “перестройка в политической экономии социализма

находится сегодня в самом начале” (Л.И. Абалкин. Перестройка: пути и проблемы. М., 1988, с. 5), есть надежда, что она успешно осуществится.

Сложнее дело обстоит с такой отраслью обществоведения, как “теория” внешней политики и международных отношений. Слово “теория” взято в кавычки не случайно - ее просто не существует. Поясню: любая наука, если она наука, оперирует понятиями и категориями. В анализе же внешней политики и международных отношений используются слова, в лучшем случае термины. И хотя наблюдаются попытки придать некоторым терминам понятийное содержание (таким, как: внешняя политика, международные отношения, сила, безопасность, интерес и т.д.), тем не менее, до сих пор не выработан понятийный аппарат данной области знания, на основе которого только и можно создать теорию внешней политики и международных отношений. А поскольку фундаментальных исследований по этому направлению не проводится ни в одном институте или учреждении, нашим международникам, которых почему-то называют политологами, приходится черпать идеи и концепции у западных, преимущественно американских теоретиков. Достаточно в этой связи упомянуть концепцию “трех центров” капитализма, теории “многополярности” и “биполярности”, “региональных центров силы”, саму теорию силы и т.д. Все эти теории были подхвачены советскими международниками и выданы за плоды марксистско-ленинской научной мысли. Пожалуй, единственным исключением является школа Г.Х. Шахназарова, самостоятельно разрабатывающая теорию международного порядка. В большинстве же своем исследователи, относя себя к международникам и политологам (?), занимаются описанием международных реальностей без попыток теоретического осмысления этих реальностей. В результате мы пока ничего не имеем.

Мы не будем говорить об “успехах” в других науках, поскольку боимся утомить внимание читателя.

Общественные науки в тенетах власти

...только те науки распространяют свет,
кои способствуют выполнению
начальственных предписаний.

*М.Е. Салтыков-Щедрин.
Дневник провинциала в Петербурге*

Существует немало причин для объяснения застоя в науке. Среди них, если говорить об общественных науках, одной из самых важных является подчиненность науки власти. Известно, в какой ожесточенной борьбе с властью пробивалась научная истина во времена средневековья. Гётовский Фауст точно отразил эту ситуацию: “Немногих, проникавших в суть вещей и раскрывавших всем души скрижали, сжигали на кострах и распинали, как вам известно, с самых давних дней” (Гёте. Фауст).

Сталинизм воспроизвел эту систему средневековья, абсолютизовав одну-единственную теорию: “марксизм-ленинизм”, естественно, в сталинской интерпретации. Общественная наука вынуждена была отреагировать на эту абсолютизацию следующим образом. Устав Коммунистической Академии при ЦИК СССР определил такие задачи ее членов: “разработка вопросов марксизма-ленинизма; борьба с буржуазными и мелкобуржуазными извращениями марксизма; борьба за строгое проведение точки зрения диалектического материализма как в обществоведении, так и в естественных науках, и разоблачение пережитков идеализма” (П.1.3 “а”, “б”, “в”) (Устав Коммунистической Академии при ЦИК Союза ССР. М., 1927, с. 1).

В недавно опубликованных материалах о великом русском ученом - академике И.П. Павлове среди прочих есть письмо, обращенное им одному из руководителей Совнаркома, где он пишет: “А введенный в устав академии параграф, что вся научная работа в академии должна вестись на платформе учения о диалектическом материализме Маркса и Энгельса, - разве это не величайшее насилие даже над научной мыслью? Чем это отстает от средневековой инквизиции И т.д. и т.д. и т.д.” (“Советская культура”, 14 января 1989 г.). Комментарии, как говорится, излишни.

Из Устава явствует, что уже к тому времени от идеализма остались одни “пережитки”, поскольку самих идеалистов выпроводили за пределы страны. А диалектический материализм берет под контроль и естественные науки, чем впоследствии воспользовались Лысенко и К. Иные течения общественной мысли исключались.

Симптоматично формулируется одна из задач науки в общем Уставе АН СССР (1927 г.). Она заключалась в том, чтобы “приспособлять научные теории... к практическому применению в промышленности и культурно-экономическом строительстве Союза ССР” (п. 2 “в”) (Уставы Академии наук СССР. 1724–1974. М., 1974, с. 120). Последовавшая деятельность “приспособленцев” привела к выхолащиванию

науки из теории совершенно в духе богослужителей, приспособивших библейские заповеди ко всем случаям жизни.

Следующий удар по науке был нанесен введением в Устав 1935 г. крайне важного положения. Статья первая гласит: Академия наук “обслуживает высшие правительственные органы СССР организацией научной экспертизы” (п. 3 “г”) (там же). Таким образом, наука попала под контроль госаппарата, а в то время - по сути дела, под контроль Сталина.

Итак, монополия “марксистско-ленинской” науки и подчиненная привязка этой науки к органам власти – базовые источники последующего отставания советского обществоведения от мирового уровня.

После некоторого оживления общественной мысли при Н.С. Хрущеве застой в брежневский период привел к уникальному результату: к полному прекращению борьбы мнений в обществоведении. Она была заменена борьбой против тех личностей, которые еще пытались за что-то бороться в науке. Хотя физически их и не уничтожали, но они были репрессированы морально: одних снимали с различных постов, других не публиковали в печати, третьих изгоняли из страны или отправляли на “отсидку” в ссылку, как академика А. Сахарова. В газетах их подвергали публичному осуждению с привлечением гласа “народа”.

Что же изменилось после 1985 г.? Кое-что изменилось. Но сохранилось главное: монополия одной политической философии и контроль власти над общественной наукой.

Исторический опыт показывает, что монополия на истину столь же вредна в науке, как и в экономике. Без конкуренции, без состязания мысль чахнет. И коль скоро мы признали пагубность монополии государства в экономике, тем более мы должны признать это в общественных науках.

А разве мы этого не признаем? – скажут мне. Разве наши политические лидеры не призывают к дебатам? И разве, наконец, развернувшиеся на страницах печати острые споры и дискуссии не подтверждают тот факт, что эти призывы находят свое практическое воплощение?

Все это так, но... во-первых, эти дискуссии идут только вокруг проблем осмысления нашей прошлой истории; во-вторых, они “разрешены” сверху; в-третьих, они ведутся по проблемам, например, экономическим, по которым у аппарата еще не выработано единой точки зрения, и, наконец, в-четвертых, весь плюрализм мнений, существующий сегодня, ограничен рамками одной политико-философской школы.

Все же выработанное после 1985 г. сомнениям не подвергается, поскольку считается, что мы нашли единственно правильный путь решения проблем. Взять, к примеру, концепцию достаточной обороны. Неужели она продумана столь тщательно, что заслуживает только единогласного одобрения всех международников и военных специалистов?

Сейчас много в позитивном ключе говорится об инакомыслии. Это так. И вместе с тем инакомыслие поощряется только в том случае, когда оно совпадает с официальной идеологией. Я бы обозначил такой тип мышления конвергенциональным инакомыслием. Конечно, это шаг вперед. Но необходим и следующий: от инакомыслия к вольнодумию.

Переход к этому не исключал бы появления социально-политических и экономических школ и течений, не совпадающих с марксистско-ленинским мировоззрением. И этого бояться не нужно. Вспомним, что марксово и ленинское учения появились и укреплялись в борьбе с другими течениями. В этом их сила! Но можно ли развивать это учение в любой области гуманитарных наук без сосуществования других теорий, других мировоззрений несоциалистического содержания? Да и что такое социалистическое содержание? Еще пять лет назад теория деидеологизации межгосударственных отношений рассматривалась как буржуазная концепция. Теперь же она стала одной из частей нового политического мышления, хотя возникла эта концепция в недрах левобуржуазной мысли. Не исключено, что все еще предвзятое отношение к теории конвергенции завтра или послезавтра изменится, и эта теория будет взята на вооружение советскими теоретиками.

Вообще необходимо переосмыслить термин “буржуазный”. Считается, раз какую-то концепцию выдвинули буржуазные ученые, то это уже и не наука. Но разве мало научных идей буржуазных ученых было заимствовано основоположниками марксизма-ленинизма? И разве некоторые концепции и теории тех же ученых не воплотились в теоретических изысканиях советских ученых? Сколько угодно. Наука едина и неделима

по своей сути. Ее цель – достижение истины. И поэтому мне импонирует призыв Г.Х. Шахназарова о необходимости “признать существование политологии в качестве единой науки” (“Правда”, 26 сентября 1988 г.). Этот призыв может быть обращен и к философии, и к другим гуманитарным наукам. Нет, я не призываю к примирению марксистской и немарксистской обществоведческой мысли. Между ними, безусловно, происходила, происходит и будет происходить борьба в силу идеологических несовместимостей. Но как долго сохранится эта несовместимость? Не потеснят ли эту несовместимость интересы общечеловеческого развития? Политика, новое политическое мышление дали ответ на этот вопрос. Без сомнения, к нему придет и философия. Возможно, ее путь к такому ответу окажется длиннее. И чтобы ускорить этот путь, нам не следует бояться прямых контактов с иными философиями. Мы уже сделали шаг: от плюрализма мнений к философии плюрализма. Следующий шаг – плюрализм философий. Причем любых. Важно помнить, что все эти философии и вся политология варятся в одном котле, который называется НАУКОЙ.

В чем заключена трудность такого перехода для нас? И здесь мы подходим к очень щепетильной теме - к проблеме верховенства власти над наукой.

Правда, кое-какие соображения по этому поводу уже появились в нашей печати. Философ-социолог Б. Грушин подчеркивает: “Органы управления присвоили себе право производить научное, теоретическое, социальное знание и тем самым контролировать все, что делается на этом поприще помимо них” (“Новое время”. 1988, № 43, с. 30). Он совершенно справедливо указывает, что именно этим органам принадлежит последнее слово в любом теоретическом споре по всем проблемам обществоведения. Б. Грушин перечисляет эти “органы”: это “ответственные работники из аппарата” и “гонорис кауза” остепененные чиновники.

К чиновникам мы еще вернемся, а сейчас остановимся на работниках “аппарата”. Хотя социолог и не уточняет этот термин, тем не менее сразу понятно, что речь идет о партийном аппарате. Поставим вопрос шире – о взаимоотношениях между партией и наукой.

Со времен Сталина утвердилась функция общественной науки как служанки правительственных органов, а фактически - органов партийных. К чему это привело - мы уже рассказали. Проблема в том, что эта функция сохраняется и до сих пор, то есть не наука подсказывает партии, что надо делать,² а партия науке. При нынешней

политической системе это естественно. Результат – наука утратила способность к самостоятельному развитию, наплодив массу “ученых”-конформистов.

Достаточно напомнить, как советское китаеведение из когда-то процветающей области знаний превратилось в 60–70-е годы в непритязательное описательство политики КНР в соответствии с требованиями и указаниями, спускаемыми из центрального аппарата.

Последовавшие после 1985 г. обвинения со стороны некоторых академиков и политиков в адрес сотрудников Института Дальнего Востока АН СССР за их негативный “вклад” в советско-китайские отношения нельзя считать справедливыми, так как любые попытки объективного отражения китайских реальностей “рубилась”, что называется “на корню” ответственными работниками аппарата ЦК. Результаты такого давления “сверху” налицо: до сих пор китаеведы не могут преодолеть свое прошлое и вывести китаеведение на уровень науки.

Казалось бы, ситуация начала меняться после 1985 г. Более того, именно партия, ее руководители требуют от ученых самостоятельности и оригинальности. Однако оказалось, что не так-то просто сломить старую систему мышления. Прошлое крепко держит за горло науку. Приведем конкретный пример.

Известный наш общественник Ю. Афанасьев опубликовал в “Правде” статью, в которой он написал, что не считает «созданное у нас общество социалистическим, хотя бы и “деформированным”» (“Правда”, 26 июля 1986 г.). Кого-то такой вывод убеждает, кого-то нет. Так бывает. Редколлегия газеты дает свой комментарий к этой статье, что тоже не возбраняется. Пугает другое - аргументация этого комментария. Видимо, осознавая слабость своих контраргументов, редколлегия (комментарий без подписи) прибегает к испытанному способу, отработанному десятилетиями. Она “бьет” Афанасьева следующим образом: “Нетрудно увидеть, что его “платформа” разительно отличается от выработанных коллективно, с чувством исторической ответственности и на основе исторической правды партийных оценок и выводов, от объективной диалектической картины наших достижений и неудач и т.д.” (там же). Очень знакомый стиль: уже есть “платформа”, хотя и завышенная: ссылка на партийные оценки и выводы, конечно же выработанные коллективом. Значит, Афанасьев уже против коллектива, а коллектив или народ не ошибается, а поскольку его выводы не совпадают с “начальственным предписанием”, то он уже как бы формулирует “платформу” против партии...

Итак, партийная оценка для ученого-обществоведа должна быть окончательной. Но во-первых, партия не раз меняла свои оценки по одному и тому же вопросу; во-вторых, если эти оценки были верны еще вчера, то, может быть, сегодня они уже устарели, и, наконец, в-третьих, может ли ученый-обществовед иметь иные оценки, чем партия или руководители партии? Редколлегия “Правды”, судя по всему, считает, что не может. Продолжая свой комментарий и касаясь конца 20-х годов, она пишет: “Анализируя минувшую историю в связи с 70-летием Октябрьской революции, руководство партии на вопрос, можно ли было в тех условиях, учитывая всю совокупность внутренних и международных реальностей, избрать иной курс, чем тот, который был предложен партией, дало ответ: если мы хотим остаться на позициях историзма, правды жизни, ответ может быть один: нет, нельзя” (там же). Возможно, я тоже разойдусь с этой оценкой, поскольку я убежден, что иной курс был возможен. Если бы был продолжен ленинский подход к реальностям, то сами реальности оказались бы иными, и я не исключаю, что было бы возможно избежать войны с ее трагическими последствиями. Но вместо Ленина в то время был Сталин, а вместо науки была “воля” последнего. Как оказалось, приблизительно так поняли упоминавшийся партийный доклад два автора другой статьи, помещенной в “Правде” по поводу комментария редколлегии. Они написали: “Нередко встречающееся ныне фаталистическое объяснение прошлого несовместимо, на наш взгляд, с традициями марксистской мысли” (“Правда”, 31 июля 1988 г.). Но мы несколько отвлеклись.

Проблема отношений между партией и наукой все-таки существует. Академик АН УССР А. Гродзинский полагает: “Не партийное дело, видимо, вмешиваться в чисто научные дела и выносить окончательные суждения по еще не выясненным и спорным моментам... Это вовсе не означает, что наука должна быть где-то впереди или выше партии. Просто каждый должен делать свое дело” (“Литературная газета”, 6 июля 1988 г.). Полностью можно было бы согласиться с таким решением проблемы, но ... как быть обществоведам в случае их несогласия с партийными оценками и выводами? Как раз содержание их работ и заключается в том, чтобы давать такие оценки, видеть дальше партии. Как совершенно справедливо писал академик П.Л. Капица, “чтобы появилось желание начать творить, в основе должно лежать недовольство существующим, то есть надо быть инакомыслящим” (“Правда”, 21 мая 1988 г.). Инакомыслящим и в отношении существующих оценок. Иначе просто нет развития.

Еще более деликатный вопрос: имеет ли право член партии, ученый-обществовед не согласиться с Генеральным секретарем партии и публично высказать свое несогласие? Такого прецедента еще не было. Но в интересах ли это науки?

Тот же П.Л. Капица рекомендует: “Надо изолировать науку от влияния административного аппарата”. Хотя сам же признает, что “пуповина, связывающая общественные науки с административным аппаратом, более прочна [чем в естественных науках. – *Р.А.*] и перерезать ее гораздо труднее” (“Коммунист”. 1987, № 13, с. 89). Действительно трудно. Но все-таки надо. Между прочим, в интересах самой же партии. Зачем ей наука, словно попугай повторяющая ее собственные выводы и оценки? Партии нужна наука творческая, смелая, объективная, ни под кого и ни подо что не подлаживающаяся. Но для этого необходимо отказаться от контроля над наукой, создать ей все условия для независимости. Настоящая наука не служит никаким партиям, никаким классам. Она служит только одной царице – истине!

“Блажен, кто не возлагает надежд на Академию!”

Везде, где присутствуют науки, должны оказывать свою власть и де сиянс академии.

*М.Е. Салтыков-Щедрин.
Дневник провинциала в Петербурге*

С суждением анатольфрансовского господина Жерома Куаньяра, вынесенным в подзаголовок, согласится любой наш академик-начальник. Ученые-нена начальники, пожалуй, с большей охотой поддержали бы не менее глубокое суждение щедринского Дементия Сдаточного о власти де сиянс академии. И в такой поддержке нет ничего странного. В отличие от партийной власти, которая нередко сковывает науку, академическая власть, наоборот, в силу своей прямой обязанности должна была бы стимулировать развитие науки, подсказывать ей стратегические направления, концентрировать внимание ученых на самых актуальных и необходимых для общества проблемах. Но это в теории.

На практике же штаб науки превратился в зацентрализованную бюрократическую организацию со своими собственными интересами, мало относящимися к науке. Это противоречие постоянно воспроизводит борьбу между учеными и бюрократами от науки. Справедливости ради следует признать, что эта борьба началась со времен

М.В. Ломоносова, который активно выступал против канцелярии, состоящей из “людей малосведущих, но требующих, чтобы их за ученых почитали” (Уставы Академии наук СССР. 1724–1974, с. 186).

Специфика той борьбы заключалась в том, что, хотя Академия наук и состояла, например, в XIX в. при Министерстве народного просвещения, власти старались не вмешиваться в академические споры.

Лет через 10 после революции Академия наук начала утрачивать былую независимость и с течением времени превратилась в жесткую централизованную систему, подчиненную интересам авторитарного режима. Академик В.И. Вернадский с горечью констатировал, что в Академии ныне царит власть “секретарей” и аппарата (см.: “Литературная газета”, 16 марта 1988 г.). В силу понятных причин наибольший ущерб понесли ученые общественных наук, поскольку физики и другие естественники относительно щадились в угоду развития оборонной промышленности. Общественные же науки попали в руки таких, как Митин, которые продолжали удерживать командные посты и после 1953 г. В застойный период появилась новая генерация митиных. Это бывшие работники центрального партийного аппарата, направленные в науку управлять институтами, благодаря чему они быстро становились академиками без какого-либо вклада в науку. Вокруг них начинали складываться научные кланы, между которыми регулярно разгорались целые войны, естественно, не по поводу науки, а в связи с проталкиванием членов своих групп в член-коры и академики. И хотя даже в таких условиях появлялись островки научной мысли, но они не делали погоду. В результате общественные науки оказались на уровне, близком к нулю.

Перестройка всколыхнула научный мир, а гласность выявила кризисное состояние науки. В этих условиях зашевелилась и Академия наук. Появился ряд документов, призванных отразить позитивные изменения в системе Академии. Назовем их: Временный Устав НИИ Академии наук, утвержденный общим собранием АН СССР 12 марта 1988 г.; постановление Президиума АН СССР от 17 ноября 1987 г. (№ 980) в соответствии с изменениями и дополнениями, внесенными в Устав АН СССР, а также с Положениями об Отделении АН СССР и упомянутым Временным Уставом НИИ. Сразу же отметим, что все названные документы были разработаны и утверждены без предварительного обсуждения широкой научной общественностью, то есть фактически аппаратом Академии. Уже сам этот факт вызвал волну возмущения в научных кругах, которое нашло выражение и потоке писем и статей, частично опубликованных в

печати. Менеджеры-академики в долгу не остались. В одном из коллективных писем на высказанное недовольство они с пафосом утверждали, что Академия наук является “наиболее демократической организацией ученых страны, где всегда существовала выборность (а не назначение!) как в действительные члены (академики) и члены-корреспонденты АН СССР, так и на все административные посты академических учреждений, начиная от директора института и кончая заведующим лабораторией или сектором, с обязательным тайным голосованием” (“Правда” 18 декабря 1987 г.).

Именно подобное утверждение и вызывает наибольшее возмущение среди ученых. Для начала хочу напомнить, что еще в Уставе АН СССР 1930 г. содержался пункт, в котором оговаривалось: “Все заседания Академии публичны” (п. 30), то есть в них могли участвовать не только академики и членкоры, но и все желающие. Этот пункт был изъят в Уставе 1935 г. и до сих пор так и не восстановлен.

Теперь о выборах, которые состоялись 23 декабря 1987 г. после утверждения упомянутых документов.

Первое, что бросилось в глаза ученому миру, – это публикация списка претендентов в соответствии с “застойной” поправкой к Уставу 1963 г., утвержденной в марте 1984 г., то есть за месяц до выборов, в малолитражном “Вестнике Академии наук СССР”. Сам же Устав 1963 г. и все предыдущие Уставы (1930, 1935, 1959 гг.) требовали публикации списка за два месяца в центральной печати, обычно в “Известиях”. Казалось бы, на фоне всеобщей гласности можно было вернуться к более демократичным вариантам прежних Уставов. Ан нет. Нынешний – удобней, поскольку позволяет избежать тщательного обсуждения кандидатур в печати.³ В результате академики, как и прежде, избрали себя сами.

Второй момент, вызвавший естественное недовольство. Вопреки утверждениям авторов коллективного письма выборы высшего эшелона Академии (Президиума) проводились без конкурса: по одному кандидату на вакантное место, причем в них, по существу, не участвовали и “рядовые” академики.

Третий момент – кто выбирал? Еще со времен застоя законы клановой борьбы привели к парадоксальной системе выборов: на общем собрании философов голосуют за химиков, физики за историков, экономисты за биологов. И ныне: единственного академика по специальности “генетика” выбирали шестеро из Отделение общей

биологии, из которых только один генетик, а остальные биологи, зоолог и ботаник. Лично мне известно, что доктора исторических наук, не имеющего ни одной работы по экономике, выбирали в член-коры по Отделению экономики. В целом же по этому отделению “наверх” пропустили пятерых историков.

В статье “Приоритет – талант” сказано, что по общественным наукам (экономика, философия, история и почему-то естествознание) было избрано 16 академиков и 33 члена-корреспондента (см.: “Правда”, 24 декабря 1988 г.). Как не вспомнить вновь господина Куаньяря: “Блажен, кто не возлагает надежд на Академию!” Спрашивается: за какие же труды “первостепенного научного значения” выбрано столько академиков по общественным наукам, когда названные науки находятся в критическом состоянии! Все это наводит на мысль, что и данные выборы не имеют никакого отношения к науке и вызваны необходимостью заполнить вакантные места.

Все более и более становится очевидным, что новые поправки и дополнительные положения к Уставу не могут удовлетворить научную общественность. Не случайно в проект нового Устава АН ЭССР, призванный заменить прежний, “списанный с Устава АН СССР”, было внесено 86 положений, из которых в неизменном виде оставались пять положений, а с изменениями формулировки – еще десять (см.: “Советская Эстония”, 6 января 1989 г.).

Острые дискуссии среди ученых вызывает процедура выборов директоров. Что нового внесли новые документы? В соответствии с Положением о выборах директоров (Приложение к постановлению Президиума № 980) общее собрание коллектива института “рассматривает” кандидатуры и “определяет свое мнение” по каждой кандидатуре. И это “мнение” доводится до сведения соответствующего Отделения Академии, которое как раз и избирает директора (п. 27). Причем, как показала практика, “мнение коллектива” хотя может и учитываться, но может быть и проигнорировано Отделением. То есть фактически все осталось на своих местах: избирает Отделение. Но это еще не все. Приняв решение об участии научных коллективов в так называемых конкурсных выборах директора, Академия наук через некоторое время явочным порядком отменила эту конкурсную систему для десятков институтов, в которых новых директоров назначили приказом. Сам президент АН СССР Г.И. Марчук заявил, что “демократическим путем” за последнее время было избрано 150 директоров из 250 (см.: “Известия”, 8 января 1989 г.). В письме академиков говорится, что при выборах “на каждую вакансию выдвигается несколько

кандидатов”. Могут ли они назвать таких кандидатов при выборах , например, директора Института Дальнего Востока АН СССР? Я уже не говорю о не проводившихся “выборах” в Институте Востоковедения (ИВ) АН СССР, Институте мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР и т.д.

Несмотря на кое-какие косметические изменения, во Временном Уставе НИИ сохраняется и даже усиливается диктатура директора. Например, в соответствии с этим Уставом именно директор, а никакой не коллектив определяет “персональный состав ученого совета и его секций”, который по его же представлению утверждается соответствующим Отделением (п. 45). Когда же директор одновременно является академиком-секретарем Отделения, как в случае с академиком Е.М. Примаковым, то его власть становится практически не ограниченной. Тем более что “ученый совет является совещательным органом при директоре института” (п. 42).

Для всех, в общем-то, очевидно, что ожесточенные бои за проникновение в клан академиков и членов-корреспондентов вызваны громадными льготами и привилегиями. Прошли те времена, когда, как было сказано в первом Уставе Академии наук 1724 г., “ученые люди, которые о произведении наук стараются, обычно мало думают на собственное свое содержание” (Уставы Академии наук СССР. 1724–1974, с. 38). Сейчас думают, и еще как думают! Но чтобы они побольше думали о “произведении наук”, очень многие ученые предлагают отменить дополнительную оплату за звания “см.: “Правда”, 7 декабря 1987 г.; “Советская Россия”, 19 января 1989 г.), резонно при этом указывая, что за исключением Испании, в большинстве стран заработок ученого - это плата за труд, а не за титул. Эта идея вызвала наибольшее неудовольствие авторов Письма. Посмотрим, как они возражают: “Гарантированная их обеспеченность полностью себя оправдывает тем, что выражает признание высшей квалификации и дает возможность сосредоточиться на главных проблемах развития науки, проявлять самостоятельность, смело отстаивать свои научные концепции и суждения независимо от каких-либо ведомственных влияний”. Может ли быть что-нибудь более абсурднее? Получается, если академик не получит своих дополнительных 500 руб. за звание, самостоятельно он уже ничего отстаивать не сможет? Но тогда чего же ожидать от всяких кандидатов и докторов? Какая же смелость и самостоятельность без допайка? Создается, правда, впечатление, что как раз наоборот, добившись обеспеченности, академик перестает творить. Действительно, зачем, когда полтысячи в месяц ни за что ни про что и так в кармане?

Не знаю, как другие, но я поступил бы прямо и откровенно, то есть сказал бы:
все сие навсегда прекратить!

К такому выводу Дементия Сдаточного присоединяюсь полностью.

Институт: наука в тисках бюрократических кланов

Пираты от науки, особенно при чинах,
делают жизнь творческих людей,
незащищенных этими чинами, нестерпимой.
И, в сущности, издеваются над обществом.

*“Литературная газета”,
19 августа 1987 г.*

Где-то промелькнуло, что в подчинении Академии наук находится более 290 научных учреждений, в которых имеется более 2500 научных подразделений. Следовательно, наука фактически сосредоточена в стенах НИИ. Относительная автономия от бюрократической академии, казалось бы, дает возможность для научных сотрудников творить науку. Не тут-то было. Почти любой институт воспроизводит в своих недрах административно-бюрократическую систему.

Как выбирают директора, мы уже знаем. Теперь несколько слов о том, кого выбирают. В Письме академиков дан ответ и на этот вопрос: “В действительности директором академического института, как правило, является крупный ученый, внесший общепризнанный вклад в соответствующую область науки”. Многочисленные письма, статьи ученых, опубликованные в печати, ставят под сомнение приведенное утверждение. Возможно, “как исключение” оно и верно, но “как правило”, директорами институтов обычно становятся так называемые “организаторы науки”. Не берусь давать оценку директорам институтов естественного профиля, хотя, судя по прессе, и там не все благополучно. Что же касается гуманитарных институтов, то, опять же за редким исключением, смею полагать: ни о каком общепризнанном вкладе в общественные науки речи быть не может, хотя бы уже потому, что они влечат жалкое существование. Добавим, что директорами институтов внешнеполитического профиля становятся отнюдь не ученые, а работники аппарата ЦК, МИДа, кандидатуры которых заранее утверждались или по крайней мере оговаривались на уровне секретариата ЦК, и только затем их “избирала” Академия наук. Учеными же, то есть академиками,

они, как правило, становились, уже будучи директорами, вдруг, ни с того ни с сего проявляя на этом посту “выдающиеся научные способности”. И хотя к научным открытиям это не вело, статьи же, а иногда и монографии появлялись. Правда, научное творчество директоров-академиков обычно тяготеет к коллективным монографиям, в которых они обычно выступают в качестве ответственных редакторов.

И все же проблема даже не в этом. А в том, что, придя в институт, директора начинают формировать свою команду, так сказать, неформалов, лично преданных им людей, опираясь на которых они проводят свою линию, не всегда совпадающую с интересами науки. Именно о такого рода объединениях и пишут ученые как о научных мафиях. Думаю, что почти в каждом институте существуют такие кланы, между которыми нередко возникают столкновения и конфликты. Их источником является главным образом стремление добиться звания академика или члена-корреспондента. Бывают случаи, когда два клана объединяются для борьбы против третьего. Другой вид противоречий – это противоречие между командой и настоящими учеными одного и того же института, то есть противоречие между бюрократией и наукой, которое чаще всего кончается победой первых. Механизм формирования команд-мафий хорошо описал доктор медицинских наук Сандро Белоцки в статье “Феномен” организаторов науки” (“сайэнс менеджрс”) (см.: “Moscow News”, 1987, № 40).

Этот феномен обусловлен самой системой организации институтской науки, начиная с ее руководителя, то есть с директорской должности. Этот пост автоматически дополняется множеством других постов: в Академии наук, в журналах, в различных министерствах или аппарате ЦК, вплоть до членства в ЦК, депутатства в Верховном Совете СССР, в организациях, имеющих постоянные контакты с зарубежными странами, в международных организациях и т.д.

Многие посты обеспечивают регулярные поездки за границу для участия в международных симпозиумах, семинарах, конференциях. Совершенно естественно, что по-настоящему отработать все эти посты невозможно. Поэтому директор окружает себя “своими” людьми, каждый из которых несет ответственность за тот или иной “пост”. Особое значение придается тем из команды, кто пишет доклады для заграничных выступлений. В принципе директор может поручить написание доклада любому сектору или отделу. Но он старается избегать этого, во-первых, чтобы не будоражить сотрудников своими частыми поездками, а во-вторых, уважающий себя ученый не любит работать на “дядю”. Поэтому предпочтительнее “свои”, тем более что

для написания таких докладов не требуется научная квалификация, а вполне достаточны общие фразы, почерпнутые из официальных речей.

Личная преданность “шефу” окупается сторицей: частыми поездками за границу, научными командировками (обычно с нулевым научным результатом), продвижением по службе, беспроblemными вариантами защиты кандидатских и докторских диссертаций.

Возникает естественный вопрос: почему такая ситуация не вызывает противодействия со стороны ученых? Почему в том же ИМЭМО тихо, как в морге?

Частично на этот вопрос ответил доктор физико-математических наук М. Франк-Каменецкий в статье “Почему молчат ученые?” (см.: “Литературная газета”, 16 марта 1988 г.).

Его ответ сводится к тому, что в условиях сосредоточения административной, партийной и научной власти в руках этой команды выступления настоящих ученых обречены на поражение. Надо еще учитывать профессионализм команды по части “закулисной” борьбы. Но дело не только в этом. Самое главное, что такая система как раз и устраивает подавляющее большинство научных сотрудников институтов, то есть именно тех, кто “при науке”. В ИМЭМО, к примеру, общее количество сотрудников - около 1000 человек, из них где-то 350 – обслуживающий персонал (для ухода за зданием, лифтом, цветами и т.д.), 650 – ученых. Учитывая, что в каждом секторе из 12-15 человек обычно работают на науку трое-четверо, получится, что наукой занимается максимум человек 180-200, остальные 430–450 – это и есть та самая опора административно-бюрократической системы, которая позволяет им паразитировать в сфере науки. Где еще можно найти такое место, чтобы, по сути ничего не делая, получать приличное содержание на жизнь? Только при бюрократическом “социализме”. Какой смысл им менять эту систему? Не случайно всех испугал переход науки на хозрасчетные принципы, но ... ненадолго. Сейчас объясню почему.

Эмансипация науки: от власти политики к власти экономики

Проводить русскую мысль, русскую науку
и высказывать надежду, что “новое слово”
когда-нибудь будет сказано.

Система планового хозяйства, естественно, распространилась и на науку. Централизованно из Президиума АН СССР в институты спускались пятилетние программы исследований с указанием конкретных тем и направлений. Выполняемая в общественных науках продукция обычно делится на две категории: большая ее часть падала на различные справки и записки, меньшая часть находила свое выражение в печатной продукции в форме статей и монографий.

“Заказные” справки и записки различаются между собой по видам: информационные, аналитические, прогностические и рекомендательные. Все они носили прикладной характер, по своей сути не требующий фундаментальных исследований.

Печатная продукция, прежде всего монографии, делится на два вида: индивидуальные и коллективные. Основная масса индивидуальных работ – кандидатские диссертации с описанием какой-либо конкретной узкой темы. Считается, что фундаментализм должен быть отражен в коллективных монографиях, поскольку они вбирают в себя широкий спектр проблем и имеют хронологическую глубину, то есть охватывают больший период времени. Ценность всех этих исследований, как говорилось вначале, оказалась довольно низкой, и вот почему.

Во-первых, несмотря на толстые фолианты коллективных монографий и действительный охват в них многих тем и проблем, они не были связаны между собой какой-либо одной стройной теорией или хотя бы концепцией. Каждая тема существует сама по себе; в результате эти монографии, по сути, означали и означают сборники статей по различным проблемам.

Во-вторых, требование унификации вело к усреднению всех глав к одному серому уровню, даже если среди авторов оказывался неординарный ученый. Главное в таких монографиях - не высываться: ни в стиле, ни тем более в идеях. Все участники обязаны придерживаться “мнения” Института, которое обычно формирует его “шеф”. В ходе многочисленных обсуждений на секторах, отделах и ученом совете все дерзкие мысли беспощадно искореняются. Добавьте еще работу редакторов, которые честно стоят на страже официальных точек зрения, и вы получите в руки обкатанную работу без мыслей.

В-третьих, поскольку наиболее “фундаментальные” работы обычно заранее планируются под премию, то в нее, естественно в качестве авторов, вписывают людей из команды директора, что делает монографию еще более серой. Отпечаток на работу накладывает и то, что ее ответственным редактором по традиции является сам директор. А раз так, то и монография ему нужна бесспорная, то есть без скандальных идей. Главное - чтобы она четко соответствовала тезисам и выводам очередного партийного форума. В результате ни одна фундаментальная коллективная монография не вызвала ни скандалов, ни негодования, ни споров, ни гнева у научной общественности. И хотя такие работы удовлетворяли великую армию филистеров, к науке они не имеют никакого отношения.

Это, на мой взгляд, естественно, поскольку сама система написания таких монографий в корне антинаучна. Фактически это тот же самый бюрократический метод, вторгшийся в саму научную мысль. Можно ли представить, чтобы “Капитал” или “Диалектика природы” были написаны коллективом ученых? Представить-то можно, только мы бы уже имели дело не с “Капиталом” и “Диалектикой природы”, а со сборником статей по поводу тех или иных экономических и естественнонаучных проблем.

Отрадно, что против таких работ выступают ученые и политические лидеры.

Что же изменилось или меняется сейчас в плане организации научных исследований?

Со слов президента АН СССР, академика Г.И. Марчука, отныне будет финансироваться не Институт, а научные программы, утвержденные Президиумом и Общим собранием АН СССР. Фонд заработной платы работников НИИ будет образовываться по нормативу не от затрат, а от объема работ, поскольку “по новому положению любая научно-исследовательская работа есть в конечном итоге товар” (“Известия”, 17 ноября 1988 г.). Еще одно новшество: “товар” прикладного назначения предполагается продавать заказчикам (предприятиям и объединениям) по договорным ценам на основе хоздоговора. Прибыль после расчета с госбюджетом пойдет на формирование различных фондов НИИ. Очевидно, что подобная система в науке частично повторяет цикл хозрасчетного производства в экономике.

Можно предположить, что для научно-исследовательских институтов технического и естественного профиля, ориентированных на развитие прикладных исследований, такая реформа сулит определенные выгоды хотя бы уже потому, что дает возможность заказчикам легко определить потребительную полезность их научной продукции. Это не означает отсутствие недостатков в предложенной реформе. Но они обнаруживаются в еще большей степени, когда дело касается общественных наук. Академик Г.И. Марчук четко указывает, что на фундаментальные исследования не найти заказчика ни в объединении, ни в министерстве. Поэтому “основным заказчиком является все-таки государство” (там же). Президент уточняет: “Если будет установлен их высокий научный уровень [речь идет о фундаментальных исследованиях - Р.А.], то бюджетное финансирование гарантировано” (“Советская Россия”, 11 июня 1988 г.).

Что из всего этого следует для фундаментальных исследований в общественных науках? Абсолютно ничего. Заказчиком, как и прежде, остается государство. Поскольку бюджетное финансирование происходит до выпуска научной продукции - товара, то вопрос об установлении “высокого научного уровня” на данной стадии просто не стоит. Здесь срабатывает формула деньги (Д) – товар (Т). Он возникает уже после финансирования. Но чтобы это финансирование воспроизвести, то есть реализовать вторую фазу (Т) – (Д), необходимо придать этому товару потребительную полезность. Формально, исходя из слов Г.И. Марчука, полезность должна определяться “высоким научным уровнем”. Можно было бы задать вопрос: кем и чем определяется этот “уровень”? Уровень работ Вавилова определял, например, Лысенко. Известно, к чему это привело. Деборина – Митин и т.д. Но это не только “наша” проблема. Напомню, А. Шопенгауэр нелестно отзывался о Гегеле. А уровень работ последнего поначалу вообще никто не мог определить, за исключением... поэта Г. Гейне.

Но в нашем случае все проще. Поскольку заказчиком является государство (= партия), то уровень исследований будет определяться в соответствии с выводами, обозначенными на очередных съездах и пленумах, причем чем ближе к этим выводам, тем выше будет и этот “уровень”. Только в этом случае институт (коллектив ученых) обеспечит себе последующее финансирование своих фундаментальных исследований и, таким образом, реализует цикл Д-Т-Д.

Следовательно, фундаментальные исследования в общественных науках, обреченных повторять установки партийных форумов, сохраняют свою подчиненность государственно-партийной власти, что, естественно, противоречит развитию науки.

Конечно если иметь в виду нынешнюю ситуацию, когда именно партия и ее лидеры выступают в качестве инициаторов раскрепощения мысли, у общественных наук есть возможности для раскрытия своего потенциала. Но где гарантия, что ситуация не изменится, не произойдет перегруппировка сил в верхнем эшелоне власти? Дай бог, чтобы этого не случилось. Вопрос, однако, принципиальный. Наука не может зависеть от политической конъюнктуры, от того, кто находится у руля партии или государства. Первое и неперемное условие развития любой науки, в том числе и общественной, - независимость от политики власти.

Правда, нынешняя система организация науки дает возможность процветания для обществоведов узкого профиля. Их исследования прикладного характера могут иметь спрос у различных практических организаций и министерств, например, у МИДа или Министерства обороны. Причем в наибольшем выигрыше окажется команда директора института в силу его неформальных тесных связей с наиболее влиятельными “заказчиками”. Именно поэтому “организаторы науки” столь спокойно отнеслись к так называемым хозрасчетным мероприятиям АН СССР.

Короче говоря, нынешняя академическая реформа, в сущности не затрагивает командно-административную систему управления в общественных науках. Как же от нее избавиться?

Вот один из вариантов, предложенный М. Франк-Каменецким. Необходим свободный научный рынок. Рыночная система предполагает полную свободу рук для ученых или группы ученых, которых, допустим, не устраивает работа по “госзаказам”, например, в силу того, что она не полностью реализует их научный потенциал. Изучив спрос на этом рынке, ученый сам предлагает свой товар, свою научную продукцию. При такой системе заказчик имеет возможность выбора, что в свою очередь ведет к конкуренции между учеными. А это в конечном счете повышает качество научной продукции. Такая система в большей степени определит потребительные стоимости (полезности) научных разработок и цену самим ученым. Естественно, она нанесет удар по “организаторам науки”.

Эта система, конечно же, предполагает независимость ученых или группы ученых от дирекции, от Академии и государства. В принципе нынешние институты со штатом от 300 до 1000 человек – это просто анахронизм. Во всем мире штат научных

сотрудников любого научного учреждения не превышает 40-50 человек. И если мы в силу традиций пока еще не в состоянии отказаться от таких институтов, то необходимо сделать хотя бы их реорганизацию, предусматривающую, как советует тот же М. Франк-Каменецкий, организацию типа научного кооператива под руководством “совета пайщиков”.

Но как же все-таки быть с фундаментальными исследованиями в общественных науках, потребительная полезность которых не может быть осознана или понята нынешними заказчиками? Говорят, что ее могут оценить сами ученые, а критерием этих оценок может быть знаменитый “индекс цитирования” Гартфилда, в котором в алфавитном порядке указаны все работы, цитировавшиеся хотя бы раз в году во всех журналах мира. В этом критериальном индексе я вижу три изъяна. Во-первых, в Советском Союзе страшно трудно опубликовать теоретические работы из-за отсутствия на них как раз того самого потребительского спроса. Во-вторых, даже в случае публикации на русском языке, зарубежные ученые их вряд ли прочтут, с одной стороны, из-за незнания языка, с другой - в силу предвзятости вообще к советским исследованиям, в которых они обычно заранее предполагают разжевывание официальных установок. В-третьих, в иерархии индекса Гартфилда на первом месте может оказаться работа, которую цитируют как раз для того, чтобы показать ее несостоятельность.

Другое дело, когда фундаментальные работы попадают на глаза других фундаменталистов, способных оценить идеи и взять их на вооружение. Ведь фундаментальные открытия даже в общественных науках, например в философии или политологии, объективны по своей сущности, так же как в физике и математике. Реализация такого типа научной продукции вероятна только на международном научном рынке, что предполагает возможность советских ученых публиковать в западных издательствах без существующих ограничений со стороны института, Главлита или ВААПа.

Подводя итоги...

Не пропуская ни одного современного вопроса обо всем рассуждать с таким расчетом, чтобы никогда ничего из сего не выходило.

Следует признать, что нынешняя реформа по организации науки в системе АН СССР носит косметический характер и не может быть признана удовлетворительной. Эффект ее обратный: она, если можно так выразиться, совершенствует административно-бюрократические формы управления. Фактически же власть аппарата, власть чиновника усиливается. Не замечать этого может только управленческий пласт в науке, что вполне естественно, поскольку ему необходимо сохранить и воспроизводить свое существование. Интересы же науки требуют ликвидации этого слоя. Как же это осуществить?

Представляется, что предлагаемые реформы, исходящие и от тех, кто недоволен существующей системой, не решат этой проблемы.

Они носят половинчатый, непоследовательный, расплывчатый характер. Но разве нет вариантов кардинального решения этой проблемы? На мой взгляд, есть, надо просто обратить наши взоры к практике организации науки на Западе. Стоит ли огород городить, когда эта практика подтвердила свою эффективность хотя бы уже превосходством над советской общественной наукой? И почему бы в этой связи не вспомнить требование В.И. Ленина поучиться у немцев, американцев на благо отечества? Чем же отличается их практика от нашей?

Во-первых, там совершенно иная роль академий наук. Они не являются государственными учреждениями, не подчиняются правительству, а находятся под общественным контролем. Членство в академиях носит представительский, почетный характер. Никаких денежных вознаграждений за членство ученые не получают, и поэтому не возникает ажиотажа, отнимающего так много сил у наших ученых. Следовательно, первое, что необходимо сделать, – лишить АН СССР статуса организатора и управленца науки,⁴ а ее функции можно было бы свести к функциям научного дискуссионного клуба, где ученые могли бы обмениваться идеями, концепциями и теориями. В принципе даже полная ликвидация Академии наук была бы только на пользу науке. Ведь в Японии, например, нет академии наук, и ничего, наоборот, обгоняет не только нас, но и американцев.

Во-вторых, у них нет таких громадных институтов, как у нас. 10-15, максимум 40-50 человек - вот и весь штат. И несмотря на это, а может быть, именно благодаря этому столь эффективна работа. Достаточно назвать Лондонский институт стратегических исследований и шведский Стокгольмский международный институт по исследованию проблем мира, пользующихся мировой известностью. В данном случае я не имею в виду институты технической направленности, которые находятся в ведении компаний и у которых штат сотрудников может достигать трех тысяч человек. Естественные и технические науки требуют разной организации, но это другая тема. Речь идет об общественных науках, а для них рентабельны маленькие институты, что подтверждается мировой практикой.

В-третьих, многие институты функционируют при университетах. В такой смычке заложен колоссальный двойной эффект: студенты узнают о науке из первых рук, то есть от самих разработчиков науки. В то же время эта система позволяет ученым выискивать наиболее одаренных студентов, брать их на заметку и затем приглашать в науку. При наших же вариантах наука отделена от преподавателя, в результате чего студентам читаются лекции, по содержанию постоянно отстающие от новых изысканий в науке. Вариант: ученый-преподаватель разрешает эту проблему.

В-четвертых, западные ученые имеют возможность публиковаться в любой стране капиталистического мира. Таким образом происходит апробация концепции на международном уровне. Мы должны осознать простую истину: наука не знает границ. И если мы хотим к тому же оказывать влияние на мировую науку, необходимо снять абсолютно все запреты на публикации за рубежом. (Повторяю, речь идет об общественных дисциплинах).

В-пятых, советский ученый должен наконец получить право свободного передвижения по всему миру - право, которым пользуются западные ученые. К этому необходимо добавить и право избирать место работы в любой стране, в том числе капиталистической системы. Для общественной науки не страшен "отток умов", так как не имеет значения, где будут опубликованы результаты исследований. Поскольку пользоваться этими результатами могут все.

В-шестых, необходимо перенять у них и систему фиксации квалификации ученых. Для большинства ученых очевиден анахронизм системы защиты кандидатских и

докторских диссертаций. Не менее очевидна и ненужность ВАКа как дополнительной бюрократической организации.

В-седьмых, и в последних - самое главное. Общественная наука должна быть освобождена от правительственного или партийного контроля. От этого только выиграют и партия, и государство. Сам ученый будет себя контролировать в соответствии со своими идеологическими и мировоззренческими позициями.

И ничего страшного не произойдет, если его позиция не совпадет с официальной линией партии и государства. Точно так же, как и в случае, если ученый окажется не материалистом, а идеалистом. Мы не должны забывать, что идеалисты в науку внесли ничуть не меньше, чем материалисты, а может быть, и больше. По крайней мере ни один современный материалист-философ не поднялся до уровня идеалиста Гегеля.

В данной статье не затрагивается проблема технической оснащенности советских ученых. Здесь мы на уровне каменного века. Однако, кардинально изменив весь процесс и структуру научного производства, можно было бы решить и эту проблему.

Предполагаю, что высказанные соображения вызовут негативную реакцию у чиновников Академии наук и вообще у бюрократов от науки. Предложенные варианты их не могут устроить. Но мне кажется, они устроят советскую науку. И в таком случае стоит ли в угоду интересам всяческих чиновников и бюрократических организаций лишать наше общество возможности занять подобающее место в мировом сообществе, достойное статуса великой державы? Думаю, что не стоит.

Алиев Р. Ш-А. [Олег Арин]

Январь 1989 г.

Опубликовано: Пульс реформ (Юристы и политологи размышляют)./ Сост. Батурин Ю.М. М.: Прогресс, 1989.

---

[1] Мы не рискуем анализировать наши фундаментальные успехи в естественных науках. Представление о них читатель может получить из статей В. Гольданского и Р. Сагдеева, в которых

выражена серьезная тревога за состояние дел в этих науках (см.: “Советская культура”, 28 мая 1988 г.; “Известия”, 27 апреля 1988 г.).

[2] Такое мнение находит свое подтверждение и в составе комиссий ЦК КПСС, которым предстоит определять “погоду на завтра”. Так, в комиссию по вопросам социально-экономической политики входит всего один академический ученый из 21 человека, в комиссию по вопросам международной политики - 4 из 23, а в комиссию по вопросам правовой политики - ни одного ученого-юриста, занимающегося правовой политикой профессионально (см.: “Правда”, 29 ноября 1988 г.).

[3] На трех кандидатов печать успела все-таки среагировать. И они, кстати, были забаллотированы.

[4] Именно такие настроения доминировали и в ходе обсуждения проекта нового устава АН ЭССР. В частности, академик Э. Пармасто заявил: “Нужно отказаться от координационной позиции, будто Академия наук умнее всех” (“Советская Эстония”, 6 января 1989 г.).